

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ

1. Установление этимологии — основная задача лингвистического исследования в области субстратной топонимики. Значение так называемых формальных методов — типологического и структурно-фонетического — прежде всего состоит в том, что они подготавливают этимологические разыскания. Даже наиболее интересные результаты формального анализа, которые могут иметь самостоятельное значение, например установление структурно-словообразовательных типов или выявление звуковых оппозиций, представляют собою в то же время этап этимологического исследования. К сожалению, этот этап может оказаться и последним, если топонимический материал беден и не дает возможности установить тот минимум системных отношений, который позволил бы подвести более или менее прочный фундамент под этимологические построения¹.

В статье обсуждается один из путей объективизации топонимических этимологий: использование принципа семантической мотивированности.

Предлагаемая тема не нова: в той или иной степени семантика исходных апеллятивов учитывается при этимологизации субстратных топонимов, однако это делается интуитивно и небезошибочно. О существовании семантической мотивированности названий в свое время писал А. П. Дульзон². Этот вопрос в общих чертах рассматривался и в работах автора³. Задача предлагаемой статьи состоит в том, чтобы показать своеобразие топонимической лексики, которая охватывает лишь часть словаря, что и создает условия для использования принципа семантической мотивированности, охарактеризовать основные принципы номинации и выяснить воз-

¹ Подробно соотношение формального и этимологического исследования топонимов рассматривается автором в работе «Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики» (ВЯ 1965, № 6, стр. 3—15).

² А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — ВЯ 1959, № 4, стр. 46.

³ А. К. Матвеев: 1) Историко-этимологические разыскания. — «Уч. зап. УрГУ» 36. Свердловск, 1960, стр. 112—115; 2) К проблеме происхождения севернорусской топонимики. — «Вопросы финно-угорского языкознания». М.—Л., 1964, стр. 187—188; 3) Субстратная топонимика русского Севера. — ВЯ 1964, № 2, стр. 65—66.

возможности применения принципа семантической мотивированности в качестве методического приема.

Вопрос рассматривается только в порядке постановки: семантическое многообразие топонимических систем обуславливает необходимость коллективного решения проблемы, в которой так много неизвестного, неясного и спорного⁴.

II. Введение в практику исследования принципа семантической мотивированности вызвано необходимостью установить смысловые критерии для топонимических этимологий. В сущности, этот принцип сводится к использованию для проверки убедительности этимологий семантических моделей-эталонов, установленных опытным путем на основе анализа принципов номинации.

О семантической мотивированности топонимов можно говорить только в тех случаях, когда этимологизация имеет массовый характер, т. е. если дается серия этимологий. Единичная семантически оправданная этимология не имеет никакой доказательной силы, так как всегда может оказаться следствием случайного совпадения. Справедливость этимологизации подтверждается массовым характером интерпретаций из одного языка по сравнению с интерпретациями из других языков.

Так, некоторые из названий населенных пунктов и урочищ на *-нема* и *-мень* (< *немень*) 'мыс' в бассейне р. Пинеги находят семантически оправданные соответствия в коми-зырянском языке: *Озарнема* и *озыр* 'богатый', *Кузьнема* и *кузь* 'длинный'. Однако из 59 названий этого типа на прибалтийско-финской и саамской почве этимологизируется 39 (15 убедительно, т. е. полностью отвечают семантическим и фонетическим критериям), а на коми-зырянской — только 13 (4 убедительно). Поэтому топонимы *Озарнема* и *Кузьнема* предпочтительнее сопоставлять с карел. *озра*, вепс. *озр* 'ячмень', карел. *куузи*, вепс. *куз'* 'ель'. Учитывая, что номенклатурный термин *нема*, *немень* отражен только в прибалтийско-финских языках⁵ и что в названиях на *-нема*, *-немень* часто встречается *x*, отсутствующее в коми-зырянском языке (*Хатарнема*, *Ихальнема*), следует считать, что эти названия — прибалтийско-финского происхождения.

Очевидно, что убедительность этимологической серии зависит от числа семантически оправданных этимологий. Поэтому изучение принципов топонимической номинации — одно из условий успешного этимологического анализа и применения принципа семантической мотивированности. Однако выявление этих принципов не-

⁴ Большинство примеров извлечено из картотеки Севернорусской топонимической экспедиции кафедры русского языка и общего языкознания Уральского университета им. А. М. Горького. Ссылки даются только на те примеры, которые заимствованы из работ, основанных на иных источниках.

⁵ А. К. Матвеев. О некоторых севернорусских топонимических типах. — «Лингвистический сборник», 1, изд. УрГУ им. А. М. Горького. Свердловск, 1963, стр. 71—76.

мыслимо без тщательного изучения семантики топонимических систем в известных языках и без классификации топонимов по семантическим признакам. К сожалению, в настоящее время эта очень нужная работа почти не ведется, а постановка вопроса выявлена ненаучной⁶.

В защиту семантических классификаций следует сказать, что, при всем несовершенстве, «зоологические», «ботанические» и иные классификации дают не менее ценный материал для лингвистики, чем изучение аффиксов, а в общелингвистическом плане даже более ценный, так как позволяют выяснить основные принципы топонимической номинации и установить объем топонимической лексики и ее характер.

Что касается опасности ошибок при семантических классификациях, то она сильно преувеличена. Конечно, не следует возрождать нелепые попытки связать *Мериново* с *Мерей* и *Чудиново* с *Чудью*, но среди *Белых* и *Черных* рек вряд ли есть хоть один антропоним, *Чебачьи*, *Щучьи*, *Карасьи* озера также не имеют никакого отношения к антропонимике, очень сомнительно, что хотя бы одна *Березовка* из ста рек с таким названием восходит к фамилии *Березов* или прозвищу *Береза*.

Семантические классификации особенно полезны по той причине, что до сих пор о принципах топонимической номинации судят, основываясь на «чутье», голословно утверждая, что *так* называют объекты, а *так* не называют. Семантическое разнообразие топонимов исключительно велико: в русской топонимике можно найти и поэтическое название луга *Москва—золотые маковки* и громоздкое наименование ручья *Надо—улицаполеречка*, местоименное название озера *Свое* и экспрессивные обозначения лугов *Сломи ногу* и *Чертородина*. Возможности топонимики оказываются значительно богаче, чем полагают некоторые исследователи. Так, Б. А. Серебряников в одной из своих работ утверждает, что в гидронимике не встречаются названия, образованные от апеллятивов *лодочный*, *сильный*, *ребячий*⁷. Для ученого, конечно, безразлично, может пройти лодка по реке или нет, для него «это слишком общий и неброский признак»⁸, но для местного населения проходимость реки могла стать весьма существенным признаком. Не случайно в Сухону впадает р. *Лодейка* (ср. *Лодейное Поле*), а в мансийской топонимике зафиксирована река *Хапынгя* 'лодочная река'⁹. Не знаю, встречаются ли на русской земле *Ребачьи* реки, но озеро *Дитячье* есть (около г. Катайска Курганской обл.). В тюркской

⁶ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1954, стр. 26.

⁷ Б. А. Серебряников. О гидронимических формантах *-нья*, *-юга*, *-уга*, и *-юг*. — «Советское финно-угроведение», 1966, № 1, стр. 62.

⁸ Там же.

⁹ Е. И. Ромбандеева. Основные типы мансийских географических названий. — «Всесоюзная конференция по топонимике СССР 28 января—2 февраля 1965 г. (тезисы докладов и сообщений)». Л., 1965, стр. 205.

топонимике Западной Сибири засвидетельствован целый ряд «сильных» озер¹⁰, а в бассейне р. Юг (Вологодская обл.) в числе рек с русскими названиями фигурирует р. *Сильная*.

Основываясь на «чутье», можно не только искусственно сузить семантические возможности топонимики, но и безгранично их расширить, хотя используемый в топонимике лексический фонд все же ограничен и своеобразен. Поражает, например, сопоставление севернорусского субстратного гидронима *Тастус* с саам. *таст* 'звезда', которое производит Е. М. Поспелов¹¹. Метафорические названия рек — редкость, а гидроним 'Звездная река' может рассматриваться только как очень изощренная (и притом совершенно не обоснованная) метафора.

Эфемерному «чутью» в топонимических исследованиях должен быть противопоставлен строго научный метод, основанный на изучении принципов номинации и установлении общих и частных, т. е. присущих данной топонимической системе, семантических моделей топонимов. Выявленные путем анализа топонимики известных языков принципы номинации могут быть затем с известными оговорками приложены к неизвестным языкам.

III. Изучение принципов номинации показывает, что следует различать общие и частные принципы, а также топонимические универсалии.

Принципы номинации представляют собой не закономерности, а тенденции называния, так как эти принципы как правило не абсолютны. Общие принципы номинации свойственны топонимическим системам разных языков, а частные принципы характеризуют отдельные топонимические системы.

Одна из существенных общих тенденций номинации состоит в том, что названия природных объектов чаще содержат информацию о естественно-географических свойствах реалий, чем названия искусственных объектов.

О том, какой характер имеет семантическая мотивированность названий естественных объектов, можно судить по следующему примеру. На площади в 12,5 тыс. км² в бассейне р. Юг (приток Северной Двины) оказалось 555 речных названий. Из них 122 субстратных (*Паданга*, *Вачуг* и др.), 85 неясных (*Трисимушка*, *Кишка*) и 350 с прозрачной русской этимологией. Из этих 350 названий 203 (58%) восходят к апеллятивам, характеризующим свойства реки (126), берега (36), растительный и животный мир (41). При этом оказалось, что 98 гидронимов, употребленных 5 и более раз (28% от общего числа русских названий и около половины всех семантически мотивированных), образованы от 13 апеллятивов: *Черная* (*Чернушка*, *Чернуха*) — 16 употребле-

¹⁰ О. Т. Молчанова. Тюркские названия озер Западной Сибири. — «Языки и топонимия Сибири», 1. Томск, 1966, стр. 6—7.

¹¹ Е. М. Поспелов. О балтийской гипотезе в северно-русской топонимике. — ВЯ 1965, № 2, стр. 37.

ний (4,5%), *Каменка* (*Каменушка, Каменуха*) — 11 (3%), *Великая* (*Великуша*) — 10, *Избная, Талая, Крутая* — 8, далее идут *Березовка, Большая, Гаревая* и др. Эти данные весьма любопытны, так как показывают, во-первых, что большая часть названий естественных объектов связана с определенными разрядами нарицательных, а во-вторых, что некоторые повторяющиеся топонимы обладают очень высоким процентом употреблений, например *Черная* и *Каменка* вместе составляют 7,5% всех этимологизируемых русских гидронимических названий на данной территории.

Разумеется, не надо упрощать, полагая, что названия естественных объектов отражают явления природы, а искусственных — общественные отношения, хотя тенденция к этому есть. То, что это тенденция, а не закономерность, иллюстрируется существованием рек с названиями *Царева, Княжа, Смердьа*, а также множеством антропонимических наименований естественных объектов (в гидронимике исследованной части бассейна р. Юг их оказалось 46, т. е. 13%).

Выбор исходного апеллятива во многом обуславливается не только классом, но и типом объектов — естественных (реки, озера, горы и т. д.) и искусственных (населенные пункты, поля и т. д.). На карте нашей страны вряд ли удастся найти реку *Америка* или *Иерусалим*, между тем такие названия полей и лугов весьма обыкновенны, ср. *Порт-Артуры, Америка, Сибирь, Финляндия, Канада, Питер, Ярославль, Иерусалим, Кубань*. Это — образные мемориальные названия, обозначающие отдаленные или красивые урочища.

Весьма существенным основанием для номинации является также величина и форма объекта. Чем объект больше и протяженнее («линейнее»), тем его название нейтральнее, чем объект меньше и контурнее (чем он «обозримее»), тем больше создается условий для возникновения образного названия. По этой причине названия гор, скал, озер, урочищ часто бывают образными в отличие от названий рек. Ср. скалы *Собачьи ребра* и *Кобыльи ребра*, пороги *Мертвая голова* и *Щеки*, горы *Булка* и *Коврига*, озеро *Хомутина*, болото *Штанное* (название дано по форме). Характерно, что образные названия часто связаны с обозначением людей, животных, а также частей тела человека и животных (луг *Шея*, урочище *Горлышко*, гора *Пуп*, поле *Ножка* и т. д.).

Тенденция к противопоставлению образных и необразных названий, разумеется, также не абсолютна, ср. наименования маленьких ручьев: *Брякунец, Брякотун, Брезунец, Гремилко, Шумилко* и т. д.

Другой важнейший принцип номинации — обусловленность семантики уровнем развития общества. Названия, которые даются народом, находившимся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, очевидно, в силу большей конкретности и образности мышления.

Ср. манс. *Нята рохтес сори сяхль* 'перемычка горы, где испугался олененок' или *Лунт хусан сяхль* 'гора гусиной коробки (ямы)'.

Языческие представления приводят к появлению многочисленных названий рек, озер и гор, указывающих на идолопоклонство (манс. *Мань-Пупу-Нёр* 'малая гора идолов', коми-зыр. *Болвано-из* 'гора идолов', манс. (субстратные) *Пупуя* 'река идолов', *Попытырь* 'озеро идолов' и т. д.

К этой же группе названий относятся и многочисленные топонимы, содержащие упоминание о злом духе, черте (среди которых, впрочем, могут быть и чисто экспрессивные), ср. карел.-русск. *Лембой-наволок* 'чертов наволок', прибалт.-фин. (субстратное) *Лембонема* 'чертов мыс', русск. гора *Чертово городище*, гора *Чертова банька*, залив *Чертов омут*, гора *Бесеновка*, озеро *Бесовец*.

Общность принципов номинации, проявляющаяся в наличии определенных тенденций, позволяет поставить вопрос о существовании топонимических универсалий.

IV. Вопрос о топонимических универсалиях отличается большой сложностью. Прежде всего напрашивается членение универсалий на две группы. Универсалии первой группы — всеобщие, или полные — приложимы к любому типу географических объектов, так как они обозначают наиболее общие признаки, универсалии второй группы — невсеобщие, или неполные — прилагаются только к некоторым типам объектов. К универсалиям первой группы относятся, например, обозначения *в е л и ч и н ы* и *ц в е т а*, которые могут прилагаться к любому типу географических объектов¹², а к универсалиям второй группы — обозначения *г л у б и н ы* и *в ы с о т ы*. Кроме того, следует различать универсалии хронологически и территориально неограниченные (ахронические и интеррегиональные) и универсалии хронологически и территориально ограниченные, ср. *большой* (ахроническая интеррегиональная полная универсалия), *глубокий* (ахроническая интеррегиональная неполная универсалия), *медвежий* (хронологически и территориально ограниченная полная универсалия). Таким образом, названия гора *Глубокая* и река *Высокая*, гора *Мелкая* и река *Низкая* должны считаться семантически не мотивированными, так как тип объекта не соответствует универсалии. Этимологии такого рода при изучении

¹² Уже из этого видно, что для номинации объектов очень важное значение имеют семантические оппозиции, которые играют в лексическом фонде топонимики большую роль. Изучение как всеобщих, так и невсеобщих универсалий поэтому в значительной мере сводится к выявлению наиболее употребительных семантических оппозиций (*Большой—Малый*, *Черная—Белая*, *Новый—Старый* и т. д.).

Несущественно при этом, что на одной территории *Черных* и *Белых* рек может быть во много раз больше, чем *Красных*, *Желтых* и *Зеленых*, а в других местах наблюдается обратное соотношение.

субстратной топонимике должны считаться неудовлетворительными, хотя, как это ни парадоксально, иногда они могут быть верными, потому что названия типа гора *Глубокая* и река *Высокая* в топонимике встречаются.

Чем это объясняется? — Прежде всего тем, что, несмотря на соотнесение определенных способов номинации с определенными типами объектов, уже возникшие названия могут переноситься на соседние объекты, иными словами — метонимией¹³, которая, значительно упрощая процесс создания топонимов, создает вместе с тем сакраментальные для этимологиста ситуации, вызывая к жизни такие названия, как гора *Глубокая* рядом с рекой *Глубокой*, река *Высокая* рядом с горой *Высокой* и даже река *Треугольница*, которая протекает через озеро *Треугольное*. Перефразируя известную формулу, можно сказать, что метонимия так же нарушает семантическую мотивированность, как аналогия — фонетические законы.

Особенно часто метонимия встречается при назывании смежных объектов, созданных человеком. Поэтому о семантической мотивированности с большим основанием следует говорить при этимологизации названий природных объектов, с меньшим — при этимологизации названий искусственных объектов. В первую очередь, следовательно, должны изучаться принципы номинации природных объектов, так как искусственные объекты значительно чаще получают метонимическое наименование, хотя возможно и обратное соотношение, когда, например, небольшие речки и ручьи получают наименование по населенным пунктам. Кроме того, надо иметь в виду, что объекты, созданные человеком (населенные пункты, поля и т. д.) в несравненно большей степени, чем естественные, способны получать наименования антропонимического происхождения, а также переименовываться, как, например, названия полей с изменением владельца.

Заканчивая рассмотрение этого вопроса, заметим, что универсалии могут быть установлены даже в основе образных наименований. Например, повсеместно распространено представление о горах как об окаменевших древних людях — стариках и старухах, ср. русск. *Старик-Камень*, гибридное русск.-коми-зыр. *Старуха-Из*, мансийские названия гор со словом *ойка* 'старик' (*Нёр-Ойка*, *Ойка-Чакур*, *Хусь-Ойка*).

Нет необходимости приводить другие параллели, так как общеизвестно, что *Черные*, *Белые*, *Большие*, *Малые* и тому подоб-

¹³ О метонимии в топонимике см.: Ю. А. Карпенко. Становление восточнославянской топонимии. — «Вопросы географии», № 70, «Изучение географических названий». М., 1966, стр. 14—15; Он же. Взаимосвязь географических терминов в топонимии. — «Местные географические термины в топонимии (тезисы докладов и сообщений)». М., 1966, стр. 9; Т. В. Мардудина. Некоторые особенности употребления географических терминов в топонимике. — «Вопросы топониматики», № 3. Свердловск, 1967.

ные по семантике топонимы есть в различных языках. Желаящие всегда могут найти аналогии в топонимической литературе. Важнее рассмотреть те трудности, которые встречаются при использовании принципа семантической мотивированности.

V. Эти трудности могут быть обусловлены как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, порождающими частные особенности номинации, которые и определяют всю сложность данной топонимической системы.

Так, известно, что структурно-словообразовательная сторона топонимики в целом обуславливается типом языка. Поэтому для урало-алтайских агглютинирующих языков с суффиксацией и словосложением типично широкое использование таких топонимических структур, которые характеризуются постановкой детерминатива в постпозиции. Наличие детерминативов значительно облегчает работу этимологиста, но в тех случаях, когда детерминатив утрачен, а одно и то же название приложено к двум смежным объектам (например, река *Сеза* и озеро *Сезо*), далеко не всегда возможно определить, к какому объекту название отнеслось первоначально.

Надо также иметь в виду, что топонимика может содержать совершенно своеобразные структурные типы, весьма затрудняющие этимологический анализ; достаточно вспомнить о широко известных в настоящее время тюркских глагольных конструкциях.

Еще одна трудность, также относящаяся к внутрилингвистической стороне проблемы, состоит в том, что в топонимике могут быть отражены семантические диалектизмы. Так, универсалии 'ночной' и 'грубый' к рекам неприложимы, однако соответствующие названия весьма обычны на русском Севере (река *Ночная*, ручей *Грубой*). Суть дела в том, что *ночной* здесь означает 'северный', а *грубый* — 'крутой'.

Из внешнелингвистических факторов наибольшее значение имеют конкретные исторические и экономические условия возникновения той или иной топонимической системы и географическая среда. Так, астронимика (в сущности та же топонимика) у континентальных народов, например у русских, намного беднее, чем у морских. Севернорусской народной астронимике известно всего три созвездия — *Лось* (Большая Медведица), *Утичы гнездо* (Плеяды) и *Стожары* (Орион). Еще примеры: 1) крепостной строй обусловил появление массы названий угодий, указывающих на социальное положение владельца (пожня *Воеводица*, луг *Боярский*, мыс *Стрелецкий*) или его имя (антропотопонимика населенных пунктов и угодий); 2) специфический кочевой быт привел к возникновению в тюркских языках, особенно в казахском, множества названий, содержащих термины коневодства (ср. казах. *Сарайгыр* 'желтый жеребец' и *Биесойган* 'кололи лошадей'); 3) на русском Севере буквально сотни топонимов содержат древний термин под-

сечно-огневого земледелия *дор* 'вырубленное и выжженное место в лесу, подготовленное под пашню'.

Другой внешнелингвистический фактор — влияние географической среды, т. е. наличия тех или иных конкретных реалий. Так, нельзя, ожидать появления *Харьусных* или *Хайрусных* рек там, где нет рыбы *харбус*.

Особых сложностей вопрос о влиянии географической среды не представляет. Общие тенденции, например отражение в номинации растительного и животного мира, находят в частных особенностях топонимических систем свою конкретную реализацию. Однако следует учитывать, что географическая среда изменяется. Так, в настоящее время между Онегой и Онежским озером дуб не встречается, но в названном ареале отмечены такие названия, как река *Тамица*, река *Тамбица* и залив *Тамбичлахта*. Если первое из этих названий соответствует фин.-карел. *tammi* 'дуб', то два других отражают древнейшую звуковую трактовку слова, которая соответствует праславянским данным **tamb-* ~ **dobъ*¹⁴.

В равной мере не встречается теперь на территории Архангельской области и дикая свинья, однако раньше она здесь, видимо, не являлась редкостью. На это указывает топоним *Почозеро* (карел. людиковское *поч* 'свинья') и метонимическая калька, прилагаемая к соседнему озеру, — *Свиное*.

Интралингвистическая и экстралингвистическая обособленность каждой топонимической системы настолько велика, что использование принципа семантической мотивированности встречает большие трудности, так как необходимо в каждом отдельном случае считаться с особенностями отражения окружающей действительности в языке, зависящими от всей суммы внутренних и внешних факторов, включая этническую психологию. Именно это обуславливает глубокие различия в семантике топонимических систем различных народов, не позволяющие, например, в русских названиях Архангельской и Вологодской областей, обозначающих природные объекты, видеть простые кальки древних субстратных языков. Интерпретация древних субстратных названий была бы значительно облегчена, если бы русская топонимика была простым сколком с субстратной. На самом деле все обстоит гораздо сложнее. Достаточно заметить, что на русском Севере есть бесчисленное множество *Черных* озер и лишь единицы соответствующих им *Мустозеро*.

В настоящее время еще трудно сказать, насколько изучение принципов номинации будет способствовать прогрессу топонимической этимологии, но уже сейчас ясно, что оно открывает перед топонимикой неизведанные пути и ставит увлекательные, но сложные задачи.

¹⁴ Ср.: В. А. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 246.